

УДК 811.511.112:81'282(479.331)

ФОНЕТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ РУССКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТВЕРСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА*

И. П. Новак

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра
Российской академии наук, г. Петрозаводск

Статья посвящена анализу фонетической адаптации заимствованной из русского языка лексики в тверских диалектах собственно карельского наречия карельского языка (толмачёвском, весьегонском, дёржанском). Условия многовекового тесного соседства карельского населения исследуемого региона с русским, а в дальнейшем и двуязычия, не могли не сказаться на языке тверских карелов. В результате языковых контактов во все диалекты пришло большое число заимствований из русского языка. Одним из аспектов освоения заимствованного слова является его фонетическая адаптация, охватывающая как систему гласных, так и согласных звуков, выступающих в начале, в середине и на конце слова.

Ключевые слова: карельский язык, тверские карелы, двуязычие, русские заимствования, фонетическая адаптация.

На протяжении четырех столетий группа тверских карелов проживает на территории современной Тверской области. Тверское карельское наречие является наследником языка субэтноса корела, сформировавшегося на Карельском перешейке в начале второго тысячелетия н. э. из восточного и северного диалектов прибалтийско-финского языка-основы [22, с. 349–353]. Решающее влияние на формирование современных наречий и диалектов карельского языка оказали исторические события, а именно: военное противостояние России и Швеции в XIV–XVIII вв., в результате которого поток карелов с исторической родины хлынул на территорию современной Республики Карелия, а также на новгородские и тверские земли [10, с. 66–67]. Исследователь истории переселения тверских карелов А. Н. Головкин отмечает, что первые переселенцы-карелы вышли на Бежецкий верх из Выборгской Карелии еще в 1353 г. Первое же письменное упоминание о них относится к 1564 г. [2, с. 282]. Массовый исход карелов на тверские земли длился на протяжении полутора веков, и общая численность переселившихся составила около 25 тыс. человек [25, с. 95].

В начале XX в. численность тверских карелов достигла 150 тыс. человек, но за столетие эта цифра под влиянием различных исторических событий сократилась в 20 раз. По данным всероссийской переписи населения 2010 г., в Тверской области проживает 7394 карела, из которых лишь треть владеет карельским языком.

Фиксация и планомерное исследование языка тверских карелов было начато силами финляндских исследователей во второй половине XIX в. Первым в 1848 году тверские карельские земли посетил фольклорист Даниель Европеус. За ним в разные годы экспедиции в Тверскую Карелию предприняли Теодор Швиндт, К. Ф. Карьялайнен, Виктори Алава, Юхо Куйола. Языковед Пертти Виртаранта,

* Статья подготовлена при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-3594.2015.6 «Исследование грамматической системы диалектов карельского языка Центральной России».

начиная с 1957 г., совершил семь исследовательских поездок к тверским карелам. Собранный финляндскими исследователями лексический материал вошел в шеститомный словарь карельского языка [24]; большое число рукописных материалов и фонозаписей хранится в архивах Финляндии; изданы сборники образцов тверской карельской речи [8, с. 81–84].

Советские лингвисты обратились к языку тверских карелов в первой половине XX века. В 1930-е годы сбором лексического материала занималась кафедра языка и литературы Калининского педагогического института. Начиная с 1957 г. ежегодно организовывались лингвистические экспедиции Института языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР под руководством Г. Н. Макарова, итогом работы стало издание в 1963 г. сборника текстов «Образцы карельской речи: Калининские говоры». Одновременно велась работа над исследованием и фиксацией отдельных диалектов А. А. Беляковым, К. В. Маньжиным, А. В. Пунжиной, эстонскими исследователями П. Палмеос, Я. Ёйспуу.

Огромное значение в изучении тверских карельских диалектов сыграла работа по сбору материала для диалектологического атласа карельского языка под руководством Д. В. Бубриха [1]. А. В. Пунжиной были обработаны материалы по 36 карельским населенным пунктам Тверской области, что позволило получить достаточно полное представление о фонетической, грамматической и лексической системах тверских карельских диалектов.

Диалектные исследования выявили наличие трех тверских карельских диалектов, относящихся к собственно карельскому наречию карельского языка: толмачёвского (тлм.), весьегонского (всг.) и дёржанского (држ.). Толмачёвский диалект преобладает на довольно обширной территории в центральной части области (Лихославльский, Спировский, Рамешковский, Максатихинский, Бежецкий районы), по числу носителей он является самым распространенным (95%). На его основе с начала прошлого века развивается письменность тверских карелов. Представители весьегонского диалекта (5%) проживают на северо-востоке области (Весьегонский район и прилегающие территории Краснохолмского и Сандовского районов). Речь носителей дёржанского диалекта карельского языка вплоть до начала XXI века можно было услышать на юго-западе Тверской области (Зубцовский район), на данный момент диалект считается мертвым.

Толмачёвский и весьегонский диалекты (особенно его западные говоры) достаточно близки, фонетические отличия обнаруживают представительство восходящего дифтонга (*ua* / *ia*), дистрибуцию свистящих и шипящих согласных, отдельные случаи палатализации. Дёржанский же диалект значительно отличается от толмачёвского и весьегонского, прежде всего, наличием синкопы и апокопы и фонематическим отличием восходящих дифтонгов [11, с. 48–49].

Условия многовекового экономического и культурного взаимодействия карельского населения региона с русским, а в дальнейшем и двуязычия, не могли не сказаться на карельском языке. Если первые два столетия проживания карелов в Верхневолжье основные коммуникативные функции выполнял родной язык, то к началу XX века в регионе установилось двуязычие, при котором русский язык обслуживал производственную и торговую сферы, а карельский – социально-культурную и бытовую [3, с. 12–13]. Политико-экономические и социальные перемены в годы советской власти многократно усилили процесс языковой ассимиляции карелов, в результате чего карельский язык перешел в разряд обиходного.

Как известно, языковое влияние значительно сказывается на фонетике. К результатам влияния фонетической системы русского языка на тверские карельские диалекты несомненно относятся: появление полугласного звука [w], восходящего к

лабиальным гласным *и, *у, изначально выступавшим в качестве заключительного элемента долгих гласных, дифтонгов и трифтонгов (*tuwl'i* 'ветер', *rawda* 'железо', *šyōw* 'он ест'); практически полное отсутствие противопоставления категорий краткий – долгий гласный; обильная палатализация; явления апокопы и синкопы в дёржанском диалекте (*kyl* 'деревня', *kyl* 'баня', *hambhat* 'зубы', *puhthat* 'чистые', ср. тлм.: *kylä*, *kyly*, *hambahat*, *puhtahat*); постепенное снижение продуктивности качественной альтернации согласных и пр.

Довольно устойчивая грамматическая структура карельского языка также не осталась в стороне. В.Е. Злобина выделяет следующие существенные изменения, произошедшие в тверских карельских говорах в результате влияния грамматических моделей русского языка: нейтрализация оппозиции личных местоимений 3-го лица (*hiän* / *še*), выражающих человека / нечеловека; нейтрализация оппозиции глагольных форм прошедшего времени и распространение имперфекта на всю область его значений; тенденция к употреблению аналитической формы превосходной степени сравнения (*suamoi šuwri* 'самый большой'); замена безличных конструкций личными предложениями (*piä kivistäw* 'голова болит'); пропуск вспомогательного глагола *olla* в конструкциях с настоящим временем; утрата категории сложных и составных числительных; нарушение системы деления послелогов на генитивные и партитивные и пр. [6, с. 9–10; 7, с. 31–37].

Однако наиболее восприимчивой к влиянию соседнего языка является лексика, находящаяся в состоянии непрерывного развития и изменения. Заимствования непрерывно приходят в язык. В первую очередь усваиваются лексемы, отсутствующие в принимающем языке, но необходимые для выполнения коммуникативной функции. Иноязычные слова приходят вместе с новыми предметами или понятиями, иногда заимствуется только одно значение слова или ему придается переносное значение, возможна также полная утрата первоначального значения, довольно часто встречаются и кальки [5, с. 67–68].

Проникновение русских заимствований в карельский язык происходит уже на протяжении многих веков. Условно их можно разделить на три группы:

- заимствования из древнерусского языка (начиная со второй половины I тыс. до XIV–XV вв.), характерные для большинства прибалтийско-финских языков, например, тлм.: религиозные термины: *ris t'i* 'крест', *pagana* 'язычник', *pappi* 'поп'; лексика домашнего хозяйства: *luz'ikka* 'ложка', *värt'inä* 'веретено', *pirda* 'бердо' [14, с. 119–121]. В древнерусских заимствованиях отражается различие между долгими и краткими гласными, не сохранившееся в восточнославянских языках [23, с. 189–192]. Л. Хакулинен выделяет также наличие незначительного количества славянских заимствований, предшествующих древнерусским (тлм.: *hirži* 'бревно') [21, с. 364–368];
- заимствования из русского языка (XVI–XIX вв.), вошедшие в карельский язык в ранний период его развития, напр. общественно-политические термины, тлм.: *čuar'i* 'царь', *bajar'i* 'помещик', *barčina* 'барщина', *kniäz'i* 'князь', *kupča* 'купец'; термины родства, тлм.: *tuamo* 'мать', *tuatto* 'отец';
- поздние заимствования из русского языка (XX–XXI вв.), напр., тлм.: *revol'ucija* 'революция', *škola* 'школа', *part'ija* 'партия', *pojezda* 'поезд', *t'el'efona* 'телефон', *toku* 'ток', *rad'io* 'радио'. Эта группа наиболее многочисленная, поскольку относится к периоду двуязычия карелов. Она непрерывно пополняется новейшими заимствованиями, напр., тлм.: *kompjut'era* 'компьютер', *d'iska* 'диск', *faksa* 'факс', *internetta* 'интернет'.

Кроме того, всю заимствованную из русского языка лексику можно разделить на следующие группы:

1) заимствования из общенародной лексики (литературная и разговорная норма русского языка);

2) заимствования из русских говоров [4, с. 92].

Количество заимствований из общенародной лексики, пришедших в тверское карельское наречие в разные периоды его функционирования, значительно. Можно выделить следующие тематические группы: социально-экономические, общественно-политические, научные и технические термины, сельскохозяйственная терминология, названия частей тела, наименования растений и животных, названия построек, транспортных средств, предметов быта, одежды, обуви и украшений, обозначения пищи и продуктов питания, названия явлений природы и географических объектов, лексика из областей искусства, культуры, религии, промышленности, медицины, метеорологии и пр. Отдельную группу составляют заимствованные имена прилагательные и глаголы.

Исторически сложилось, что традиционные территории проживания тверских карелов расположились в пограничной зоне восточных (Владимирско-Поволжский диалект) и западных (Селигеро-Торжковские говоры) среднерусских и севернорусских (Беозерско-Бежецкая подгруппа) говоров [20, с. 3], из которых тверские карельские диалекты заимствовали немалое число диалектной лексики различных тематических групп: земледелие, растения, одежда, обувь, пища, продукты питания, постройки, транспорт, хозяйственная утварь и др. [15, с. 42–45]. Напр., тлм.: *bladenča* ‘бладенец’ (младенец), *fat'era* ‘фатира’ (квартира), *kal'idora* ‘колидор’ (коридор), *l'esora* ‘лесора’ (рессора), *merluwga* ‘мерлуга’ (берлога), *mošel'n'ikka* ‘мошельник’ (мошенник), *namas't'er'i* ‘намастырь’ (монастырь), *n'ekrutta* ‘некрут’ (рекрут), *obl'eizana* ‘облезьяна’ (обезьяна), *panafiida* ‘панафида’ (панихида), *perčanka* ‘перчанка’ (перчатка), *prol'ieha* ‘пролеха’ (прореха), *skusnoi* ‘скусной’ (вкусный), *sus'ieda* ‘сусед’ (сосед); држ.: *dohtar* ‘дохтор’ (доктор), *kukšin* ‘кукшин’ (кувшин) [17]; тлм.: *d'erbinä* ‘дербина’ (залежь), *l'eha* ‘леха’ (полоса), *t'opluhat* ‘тепляки’ (валенки), *obarn'ikka* ‘опарник’ (ржаной пирог), *lagunka* ‘лагунок’, *mos't'ina* ‘мостина’ (корзина) [15]; тлм.: *navid'ie* ‘навидеть’ (любить), *nagol'e* ‘наголо’ (постоянно); всг.: *jiäzvičča* ‘язвец’ (барсук), *staučča* ‘ставец’ (деревянная миска) [19].

«Словарь карельского языка: Тверские говоры», составленный А.В. Пунжиной [16], включает около 12-15 процентов заимствованной из русского языка общенародной и диалектной лексики. Очевидно, что в повседневной речи этот процент значительно выше, и цифра, учитывая неблагоприятную языковую ситуацию в Тверской Карелии, растет год от года.

Попадая в карельский язык, новые слова начинают подстраиваться под его фонетические законы. Фонетическая адаптация русских заимствований тверских диалектов карельского языка до настоящего времени не являлась объектом специального изучения. В 1952 г. вышло исследование лингвиста Яло Калима «Slaavilaisperäinen sanastomme» [23], посвященное анализу лексики, заимствованной из русского языка в различные периоды его развития в прибалтийско-финский язык-основу и его дочерние языки. Их фонетический анализ позволяет автору судить о хронологии заимствования. В ранних пластах выражается более древнее фонетическое состояние русского языка. Автор приводит примеры, в том числе из южно-карельских диалектов собственно карельского наречия, распространенных на территории Республики Карелия, а также из ливвиковских и людиковских диалектов. Тверские карельские диалекты здесь не представлены, однако, как показал произведенный анализ, картина существенно не отличается, поскольку основы фонетической адаптации заимствованной из русского языка лексики были заложены еще на стадии функционирования древнего карельского языка.

Непосредственно проблеме русских заимствований в тверских карельских диалектах посвящена статья А.В. Пунжиной «О некоторых лексических заимствованиях в карельском языке». В ней автор анализирует группу заимствований, пришедших в карельский язык из русской диалектной лексики тверского региона, описываются их основные тематические группы. В заключении делаются краткие выводы относительно фонетической адаптации заимствованной лексики [15, с. 45].

В настоящей статье автором предпринимается попытка представить систему фонетической адаптации заимствованной из русского языка общенародной и диалектной лексики во всех тверских карельских диалектах, определить ее специфические диалектные особенности, а также выявить закономерности, связанные с периодом перехода лексемы из русского в карельский язык. Анализ заимствований, выявленных в процессе работы с образцами речи [12; 13; 18], диалектными словарями карельского языка [16; 17; 19; 24; 26], а также в ходе личной беседы автора с информантами, позволил создать следующую картину исследуемого явления.

1. Фонетические изменения в системе гласных звуков.

1. Замена ударного гласного русского слова дифтонгом или долгим гласным. Фонетической системе современного русского языка не свойственно наличие долгих гласных звуков. Однако ударные гласные произносятся в нем более долго, чем безударные. В тверских диалектах карельского языка встречаются три долгих гласных *uu*, *уу*, *ii*, которые в большинстве говоров все же перешли в нисходящие дифтонги *uw*, *уw*, *ii* [ij]. Прибалтийско-финские долгие гласные **aa*, **ää*, **oo*, **öö*, **ee* представлены в них восходящими дифтонгами. В процессе фонетической адаптации в большинстве случаев ударный гласный русского слова заменяется долгим гласным или дифтонгом, напр., тлм.: *juablokka* < яблоко 'картофель', *juaššikka* 'ящик', *kanuatta* 'канат', *luapot'ti* 'лапоть', *samvuara* 'самовар', *Spuasu* 'Спас', *suad'iba* 'свадьба', *škuappa* 'шкаф', *ualoi* 'алый'; *d'iädö* 'дядя', *miäčču* 'меч', *piät'inčä* 'пятница', *pr'iän'ikkä* 'пряник', *sr'iäppie* 'стряпать' (диал.), *sviäz* 'связь', *šl'iäppä* 'шляпа'; *muožot* 'может'; *d'ielä* 'дело', *kl'iever* 'клевер', *miela* 'мел', *sovietta* 'совет', *pr'imietta* 'примета', *n'iežnoi* 'нежный', *partr'ietta* 'портрет'; *miero* 'мир', *piisar* 'писарь', *riihi* 'рига', *viišen'ja* 'вишня'; *viigona* 'выгон'; *čuwda* 'чудо', *kruwga* 'круг', *stuwla* 'стул', *uwl'ičča* 'улица'; *l'uwbo* 'любо' (диал.); всг.: *biabo* 'баба', *čuas* 'час', *kriäs'ie* 'красить', *liadu* 'лад', *mias't'er* 'мастер', *muačiha* 'мачеха', *saldiatat* 'солдаты', *sluava* 'слава', *stjada* 'стадо', *stijaja* 'стая', *sviad'iba* 'свадьба', *sviataija* 'святать', *upriava* 'управа', *vliäs't'i* 'власть'; *d'iedo* 'дед', *gaz'ietta* 'газета', *sovieta* 'совет', *sus'ieda* 'сосед', *ud'ielä* 'удел'; *gr'iiva* 'грива', *kn'iiga* 'книга', *n'iiva* 'нива'; *duwmaiija* 'думать', *pluwga* 'плуг', *suwtkat* 'сutki'; држ.: *buab* 'баба', *duačn'ik* 'дачник', *juašikk* 'ящик', *kruask* 'краска', *luaduh* 'лад' илл. ед., *luap* 'лапа', *luapot'ti* 'лапоть', *muak* 'мак', *svuat't* 'святя', *žual* 'жалко'; *miäč* 'меч', *r'iäd* 'ряд'; *rowž* 'роза'; *d'iad* 'дэд', *biäglöi* 'беглый'; *iin'ei* 'иней', *riisa* 'рысь', *viid* 'вышло'; *buwl* < 'буля' (диал.) (простокваша), *čuwda* 'чудо', *čuw'n'at* 'чүни' (диал.), *gruwš* 'груша', *kruwg* 'круг', *pluwg* 'плуг', *podruwga* 'подруги', *pruwda* 'пруд', *tuwč* 'туча'.

Диалектные отличия здесь проявляются в различии восходящих дифтонгов. Если в толмачёвском и дёржанском диалектах представлен дифтонг *ua* (соответствие ударного *a*), то на большей территории распространения весьегонского диалекта на его месте встречаем дифтонг *ia*. Держанский диалект отличается появлением дифтонга *iä* на месте ударного *e*, тогда как в двух других диалектах встречаем дифтонг *ie*.

В более поздних заимствованиях изменение не происходит, на место ударного гласного русского языка приходит соответствующий одиночный гласный.

2. Синкопа гласного звука. Как уже упоминалось выше, исключительной особенностью дёржанского диалекта карельского языка является наличие в нем яв-

ления синкопы, то есть выпадения гласного звука в середине слова. Это явление распространилось на заимствованную лексику, затронув, в том числе, и ударные гласные русского слова, напр., **држ.**: *borvik* 'боровик', *gold* 'голод', *jalvoi* 'яловый', *kolt'ie* 'колотить', *kormislot* 'кормысла', *moltok* 'молоток', *nard* 'народ', *pesk* 'песок', *polvik* 'половик', *sarfan* 'сарафан', *zanvesk* 'занавеска', *venk* 'венки'.

3. Перенос ударения на первый слог. Для карельского языка, как и всех прибалтийско-финских языков, характерно наличие главного ударения, падающего на первый слог, в отличие от русского языка, в котором любой слог слова может быть ударным. Таким образом, при заимствовании слова из русского языка произошел перенос ударения на первый слог, напр.: **тлм.**: *ogurča* 'огурец', *molotka* 'молоток', *kol'essu* 'колесо'; **всг.**: *arbuva* 'арбуз', *doroga* 'дорога', *famil'ja* 'фамилия', *kassa* 'касса', *kazakka* < 'казак' (диал.) (батрак), *rod'n'a* 'родня', *sus'ieda* 'сосед', *z'el'ena* 'зеленый', *žen'iha* 'женить', *udala* 'удалой', *ud'ielä* 'удел', *veššälä* 'веселый'; **држ.**: *ambar* 'амбар', *apr'el* 'апрель', *bol'n'ičč* 'больница', *doltušk* 'толтушка', *dorog* 'дорога', *ogord* 'огород', *ogurč* 'огурец'. Данное изменение последовательно проявляется во всех тверских карельских диалектах, как и следующее.

4. Соблюдение сингармонизма. Закон гармонии гласных (одновременно в слове выступают гласные либо переднего *ä, ö, y*, либо заднего ряда *a, o, u*, гласные *i, e* в этом отношении нейтральны) достаточно последовательно проявляется в заимствованной лексике. Если в русском слове представлены гласные звуки, относящиеся к разным рядам, то при переходе в карельский язык, слово получает единообразное вокалическое оформление. Напр., **тлм.**: *juaššikašša* 'в ящике', *mäkel'n'iččä* 'мякельница' (диал.) (сенной сарай), *mel'l'iččä* 'мельница'; **всг.**: *juakkor'illa* 'на якоре', *veššälät* 'веселые'; **држ.**: *nuakoval'n'a* 'наковальня', *syd'i* 'судья', *šluapan* 'шляпа' ген. ед., *tyr'mäh* 'в тюрьму', *ut'ugal* 'утюгом', *ängel* 'ангел'.

Но если о явлении переноса ударения на первый слог можно сказать, что оно является продуктивным и в новейших заимствованиях, то о соблюдении гармонии гласных подобного вывода сделать нельзя.

2. Фонетические изменения в системе согласных звуков.

1. Субституция согласных звуков. Одиночные звонкие смычно-взрывные, сонанты и щелевые заимствованной лексики, в большинстве своем, не подвержены изменениям, поскольку консонантные системы русского и карельского языков достаточно близки, напр., **тлм.**: *doroga* 'дорога', *sruwba* 'сруб'; *luapot't'i* 'лапоть', *mašina* 'машина', *noska* 'носок', *proima* 'пройма', *r'emen'i* 'ремень'; *častuška* 'чапушка', *čäijy* 'чай', *foto* 'фото', *horu* 'хор', *s'iroti'ina* 'сиротина' (диал.), *šurjakka* 'шурьяк' (диал.) (шурин), *žen'iha* 'женить', *venča* 'венец'; **всг.**: *buat'ko* 'бабка' (диал.), *d'iedo* 'дед', *gaz'ietta* 'газета', *gr'iiva* 'грива'; *l'itra* 'литр', *mel'l'iččä* 'мельница', *n'ed'el'i* 'неделя', *rad'ivo* 'радио' (диал.) (радио), *rod'n'a* 'родня', *sjaharu* 'сахар'; *čuwd'ie* 'чудить', *z'el'onan'e* 'зеленый', *z'emstva* 'земство'; **држ.**: *ad'ežd* 'одежда', *bajar'it* 'помещики', *d'engat* 'деньги', *d'iado* 'дядя'; *luapot't'izet* 'лапти', *muasl'enč* 'масленница', *tor'elkall* 'на тарелке'; *žual'* 'жаль', *viid'ie* 'выйти', *vet'* 'ведь'.

Однако во всех тверских диалектах встречаются случаи субституции согласных, заключающейся в замене звуков, не характерных для фонетической системы заимствующего языка. Так, например, для фонетической системы карельского языка до недавнего времени было нехарактерно наличие согласных звуков *f, c*, соответствующих русским *ф, ц*. В процессе освоения заимствования на место согласного *ц* пришла аффриката *č*, согласный *f* выпал, однако, это явление уже не затронуло поздние русские заимствования. Напр., **тлм.**: *bol'n'iččä* 'больница', *čuari* 'царь', *l'es'n'iččä* 'лестница', *mel'l'iččä* 'мельница', *Muasl'enča* 'Масленница', *piät'inčä* 'пятница', *sver'ez'i* 'ферзь' (диал.); **всг.**: *jäiččä* 'яйцо', *kol'ča* 'кольцо', *tiät'iččä*

‘матица’, *ogurča* ‘огурец’; **држ.**: *bol’n’ičč* ‘больница’, *božn’ičč* ‘божница’ (диал.), *jäič* ‘яйцо’, *kolč* ‘кольцо’, *škuap* ‘шкаф’. Появление аффрикаты *č* можно было бы объяснить диалектным явлением, распространенным в ряде говоров северо-восточной территории севернорусского наречия, получившим название «чокание», заключающемся в совпадении аффрикат *ч* и *ц* [9, с. 38]. Однако распространение данного явления относится исследователями к XIX–XX вв., то есть к тому моменту, когда карелы уже достаточно продолжительное время проживали на территории Тверской области, и, очевидно, усвоили значительное количество русской лексики. В поздних же заимствованиях используется звук *c*, соответствующий русскому *ц*.

2. Замена одиночного согласного геминатой. Практически все согласные звуки карельского языка (за исключением *b, d, g, c, z, ž, f, h*), могут выступать как в виде одиночной согласной фонемы, так и в виде геминаты. В результате фонетической адаптации во многих заимствованиях в положении перед гласным также возможно появление геминаты, напр., **тлм.**: *baidakka* ‘байдак’ (диал.), *biessa* ‘бес’, *d’iekkuna* ‘дьякон’, *furgučču* ‘фургуч’ (диал.) (игрушка-пуговица), *čieppi* ‘цепь’, *juab-lokka* ‘картофель’, *kanuatta* ‘канат’, *pas’s’ibo* ‘спасибо’, *pl’iitta* ‘плита’, *pr’imietta* ‘примета’; **всг.**: *kassa* ‘коса’, *kazakka* ‘казак’ (диал.) (батрак), *komnatta* ‘комната’, *s’ilossu* ‘силос’, *žiivatta* ‘скотина’, *veššälät* ‘весёлые’, *veššat* ‘вещи’; **држ.**: *bol’n’ičč* ‘больница’, *čerdakk* ‘чердак’, *čerepp* ‘череп’, *gračč* ‘грач’, *kassat* ‘косы’, *klikk* ‘клык’, *kuššak* ‘кушак’ (диал.), *l’is’s’iped* ‘лосопед’ (прост.), *luapot’t’i* ‘лапти’, *maššin* ‘машина’, *ošēn’n’ik* ‘ошейник’, *ugropp* ‘укроп’, *vunukkan* ‘внучек’.

Следует отдельно отметить, что смычно-взрывные геминаты в заимствованной лексике последовательно подвергаются количественной альтернации, в отличие от качественной, напр., **тлм.**: *palat’t’i* : *palat’it* ‘полати’ (диал.) ном. ед. : ном. мн., *mužikka* : *mužikat* ‘мужик : мужики’; **всг.**: *kazakka* : *kazakat* ‘батрак : батраки’ (диал.), *rajan’iekka* : *rajan’iekat* ‘баянист : баянисты’, *čužakka* : *čužakat* ‘чужак : чужаки’, *tuluppa* : *tulupat* ‘тулуп : тулупы’; **држ.**: *luwku-* : *luwkut* ‘луковица’ сильн. осн. : ном. мн., *svičča-* : *svičat* ‘свеча’ сильн. осн. : ном. мн.

3. Фонетические изменения на конце слова.

1. В именах существительных:

- эпитеза гласного звука. Для карельского языка свойственно наличие одноосновных имен, имеющих единственно возможную гласную основу, и двуосновных, обладающих согласной и гласной основой. Образование большинства словоизменительных форм происходит именно от гласной основы. Русские слова, заканчивающиеся на согласный звук, при переходе в карельский язык, получили на конце гласный с целью облегчения процесса словоизменения. Выбор гласного в большинстве случаев зависит от качества последнего согласного звука русского языка: за редким исключением, в положении после твердого согласного выступает гласный *a*, а после мягкого *i*. Исследователь Я. Калима объясняет выбор этих гласных формой родительного падежа русского языка [23, с. 76]. Напр., **тлм.**: *ber’oga* ‘берег’, *poezda* ‘поезд’, *stola* ‘стол’, *traktora* ‘трактор’, *učastka* ‘участок’, *viigona* ‘выгон’, *kravat’t’i* ‘кровать’, *ladon’i* ‘ладонь’, *stal’i* ‘сталь’, *gost’a* ‘гость’, *rubl’a* ‘рубль’; **но** *ambar’i* ‘амбар’, *miero* ‘мир’, *zuaharo* ‘сахар’, *konu* ‘кон’, *rodu* ‘род’, *r’iädy* ‘ряд’; **всг.**: *l’itra* ‘литр’, *čjar’i* ‘царь’, *pos’t’el’i* ‘постель’; **но** *kl’iever’i* ‘клевер’, *sīaharu* ‘сахар’; **држ.**: *gordah* ‘в город’, *l’istall* ‘на листе’, *lugall* ‘на лугу’, *noskat* ‘носки’, *ambar’iss* ‘в амбаре’, *kravat’ill* ‘на кровати’, *post’el’ill* ‘на постели’, *tufel’it* ‘туфли’; **но** *lukull* ‘луком’, *mozgull* ‘мозгом’, *saduh* ‘в сад’;
- апокопа в дёржанском диалекте. Наряду с синкопой держанский диалект выделяется наличием апокопы, то есть выпадением конечного гласного звука слова. Этому явлению оказалась подвержена и заимствованная лексика (ко-

нечный гласный основы, однако, обнаруживается в процессе словоизменения в косвенных падежах), напр., **држ.**: *belk* 'белка', *čisl* 'число', *gor* 'горе', *gor* 'гора', *kol'es* 'колесо', *l'ic* 'лицо', *mod* 'мода', *muasl'enč* 'масленица', *pal't* 'пальто', *svuat't* 'сватья'.

2. В именах прилагательных. Отдельно следует обратиться также к фонетической адаптации заимствованных из русского языка прилагательных. В карельском языке на место окончаний прилагательных *-ий*, *-ый*, характерных для русского языка, приходят формы с основами на *-oi*, *-öi*, что объясняется влиянием севернорусских диалектов, или формы на *-a*, *-ä*, *0* (држ.), восходящие к кратким прилагательным [23: 79]. Напр., **тлм.**: *dovol'noi* 'довольный', *druwžnoi* 'дружный'; *bohatta* 'богатый', *gluwppa* 'глупый', *luaskova* 'ласковый', *spes'ivä* 'спесивый' (диал.); **всг.**: *boikoi* 'бойкий', *ud'el'noi* 'удельный', *važnoi* 'важный'; *z'el'ena* 'зеленый', *udala* 'удалой', *veššela* 'веселый'; **држ.**: *bednoi* 'бедный', *čistoi* 'чистый', *družnoi* 'дружный', *glatkoi* 'гладкий', *gluwhoi* 'глухой', *raznoi* 'разный', *rihloi* 'рыхлый', *siroi* 'сырой', *žuadnoi* 'жадный'; *glupp* 'глупый'.

3. В глаголах. Заимствованные глаголы образуются от форм настоящего времени или инфинитива русского глагола путем прибавления показателей двух глагольных типов на *-ja*, *-jä* и *-e*, сократившихся в дёржанском диалекте до *-j*, *0*. Напр., **тлм.**: *br'eija*, 'брить', *doid'ie* 'дойти', *duwmaiija* 'думать', *fat't'ie* 'схватить', *gul'aiija* 'гулять', *kolduiija* 'колдовать', *kupaiija* 'купать', *kur'ie* 'курить', *l'ubuiija* 'любовать' (диал.), *nadoimie* 'надоест', *naviid'ie* 'навидеть' (диал.), *nän'küijä* 'нянчить', *obiid'ie* 'обидеть', *pohod'ie* 'походить', *popad'ie* 'попасть', *proid'ie* 'пройти', *počitaiija* 'почитать', *podar'ie* 'подарить', *prost'ie* 'простить', *spor'ie* 'спорить', *staraiija* 'стараться', *zaid'ie* 'зайти', *zaviiduiija* 'завидовать', *zvon'ie* 'звонить', *žaleija* 'жалеть', *t'irpua* 'терпеть', *torguiija* 'торговать', *uid'ie* 'уйти', *vier'ie* / *vieruiija* 'верить', *viid'ie* 'выходить'; **всг.**: *čuw'd'ie* 'чудить', *duwmaiija* 'думать', *s'ilosuiija* 'силосовать', *sviataiija* 'сватать'; **држ.**: *bel'i* 'белить', *bivaij* 'бывать', *bur'i* 'бурить', *dar'i* 'дарить', *davaij* 'давать', *duij* 'дуть', *gadaij* 'гадать', *gul'aij* 'гулять', *kataij* 'катать', *kur'i* 'курить', *pitaij* 'питать', *rugaij* 'ругать', *zaid'i* 'заходить'.

Выводы.

Произведенный анализ указывает на то, что широкое распространение двуязычия среди тверских карелов, когда русский язык сначала становится вторым родным языком, а со временем и первым, не могло не привести к изменению внутренней структуры карельского языка. Этому изменению в большей степени оказалась подвержена его лексическая система. В тверские карельские диалекты пришло огромное количество русских заимствований (общенародных и диалектных) из самых разных тематических областей, и этот процесс активно продолжается в настоящее время. Изначально, в большинстве своем, русские заимствования при переходе в карельский язык подвергались значительной переработке и становились максимально приближенными к фонетической системе принимающего языка. Эти изменения затрагивали как гласные, так и согласные звуки, выступающие в начале, середине и на конце слова. На уровне фонетики адаптация обнаруживает значительные диалектные отличия (различия восходящих дифтонгов, синкопа и апокопа), возводимые к фонетическим особенностям отдельных тверских карельских диалектов. Все же очевиден факт, что основы фонетической адаптации заимствованной из русского языка лексики были заложены еще на стадии функционирования древнего карельского языка, поскольку аналогичные процессы встречаются повсеместно не только на исследуемой территории, но и в других карельских диалектах.

С точки зрения периода усвоения русского слова, выявлена следующая тенденция: с развитием двуязычия заимствования все в меньшей степени подвергаются

фонетической адаптации (частичная адаптация). В самых поздних заимствованиях слово имеет практически такое же фонетическое оформление, как и в русском языке, однако ударение все еще переносится на первый слог, одиночные согласные довольно продуктивно переходят в геминаты, конец слова также подвергается фонетической адаптации с целью дальнейшего участия заимствованной лексемы в процессах словоизменения и словообразования, то есть заимствованная лексика без особых затруднений встраивается в грамматическую систему карельского языка.

Сокращения: вст. – весьегонский диалект; ген. – генитив; диал. – диалектное; држ. – дёржанский диалект; ед. – единственное число; илл. – иллатив; мн. – множественное число; ном. – номинатив; прост. – просторечное; сильн. осн. – сильная основа; тлм. – толмачёвский диалект

Список литературы

1. Бубрих Д. В. Диалектологический атлас карельского языка. Хельсинки: SUS, 1997. 10 с. : 209 с. карт.
2. Головкин А. Н. История Тверской Карелии. Тверь: Чудо, 2001. 302 с.
3. Громова Л. Г. Двужычие как условие и перспектива сохранения и развития языка и культуры тверских карел // История и культура тверских карел: перспективы развития. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1997. С. 12–14.
4. Зайцева Н. Г. Пути освоения русской диалектной лексики // Вопросы финно-угорской филологии. Вып. 5. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. С. 91–102.
5. Злобина В. Е. О русско-карельских языковых контактах (на материале лексики собственно-карельского диалекта карел Калининской области) // Научная конф., посвященная итогам работы Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР за 1962 г. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1963. С. 67–68.
6. Злобина В. Е. Русско-карельские языковые контакты и изменения в грамматической структуре имен в одном из говоров карельского языка // Всесоюзная конф. по финно-угорскому языкознанию: тезисы к докладам и некоторые доклады. Ижевск, 1967. С. 9–10.
7. Злобина В. Е. Языковые контакты и изменения в грамматической структуре языков // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными языками. Л.: Наука, 1971. С. 33–37.
8. Йоки Л. Архивные материалы и исследования по тверскому диалекту карельского языка // Тверские карелы: история, язык, культура. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011. С. 70–80.
9. Князев С. В. Русская диалектная фонетика. М.: Изд-во МГУ, 2008. 42 с.
10. Кочуркина С. И. Древние карелы. Петрозаводск: Карелия, 1987. 72 с.
11. Новак И. П. Фонетические маркеры тверских диалектов карельского языка // Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2014. С. 47–49.
12. Образцы карельской речи: Говоры республики Карелии, тихвинских и тверских карел. Joensuu; Петрозаводск: Joensuu yliopiston monistuskeskus, 1994. 460 с.
13. Образцы карельской речи: Калининские говоры. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 196 с.
14. Основы финно-угорского языкознания. М.: Наука, 1975. 348 с.
15. Пунжина А. В. О некоторых лексических заимствованиях в карельском языке // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными языками. Л.: Наука, 1971. С. 42–45.
16. Словарь карельского языка. Тверские говоры. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

17. Словарь русских народных говоров. Вып. 1-46. М., 1965–1913.
18. Слушаю карельский говор. Петрозаводск: Периодика, 2001. 208 с.
19. Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2007. 337 с.
20. Тематический словарь говоров Тверской области. Т. 1. Тверь: Золотая буква, 2003. 240 с.
21. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ta kehitys. Helsinki: Otava, 1979. 633 s.
22. Itkonen T. Välikatsaus suomen kielen juuriin // Virittäjä 87, 1983. S. 190–229, 349–386.
23. Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme. Helsinki: SKS, 1952. 234 s.
24. Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI. I.1968. 576 с.; II. 1974. 591 с.; III. 1983. 584 с.; IV. 1993. 610 с.; V. 1997. 634 с.; VI. 2005. 782 с.
25. Virtaranta P. Karjalaisista entisessä Tverin läänissä // Suomalais-ruotsalainen historian tutkijain symposio. 1980. S. 93–112.
26. Õispuu J. Djorža karjala vormisonastik. Tallinn: Tallinna Pedagoogikaülikool, 1995. 128 s.

PHONETIC ADAPTATION OF THE RUSSIAN BORROWINGS IN THE TVER KARELIAN

I. P. Novak

Institute of Linguistics, Literature and History of
Karelian Research Centre. Russian Academy of Sciences, Petrozavodsk

The article is devoted to the analysis of phonetic adaptation of the lexicon borrowed from Russian in the Tver dialects of Karelian vernacular of the Karelian language (tolmachy, vesyegonsk, dyorzha). The conditions of the centuries-old close neighborhood of the Karelian population of the studied region with Russian, as well as its further bilingualism, couldn't but affect the language of Tver Karelians. As the result of language contacts a large number of borrowings came from Russian into all dialects. One of the aspects of a borrowed word assimilation is its phonetic adaptation covering both the system of vowels and the system of consonants acting in the beginning, in the middle and in the end of the word.

Keywords: *Karelian language, Tver Karelians, bilingualism, Russian borrowings, phonetic adaptation.*

Об авторе:

НОВАК Ирина Петровна – кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11), e-mail: bel.irina@rambler.ru.

About the author:

NOVAK Irina Petrovna – candidate of Philology, junior research worker of Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (185910, Petrozavodsk, Pushkinskaya str., 11), e-mail: bel.irina@rambler.ru.